

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ионов Д.Д. Специфика левого политического спектра в постсоветской России // Конфликтология / nota bene. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.2.74086 EDN: BHMFBV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74086

Специфика левого политического спектра в постсоветской России

Ионов Дмитрий Дмитриевич

ORCID: 0009-0008-8598-0189

студент, кафедра политологии; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Документовед; Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2

✉ dmitriy.ionov@unn.ru

[Статья из рубрики "Внутриполитические конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.2.74086

EDN:

BHMFBV

Дата направления статьи в редакцию:

14-04-2025

Дата публикации:

20-05-2025

Аннотация: Актуальность изучения левого политического спектра в постсоветской России обусловлена его ролью в формировании идеологического поля страны, где сохраняется запрос на социальную справедливость, но доминируют консервативно-этатистские тренды. Постсоветский период ознаменовался глубокой трансформацией левых идей, их адаптацией к новым вызовам и поиском идентичности в условиях идеологического вакуума. Объектом исследования выступает левый политический спектр России, предметом – его специфика, сформированная под влиянием советского наследия, гибридизации идеологий и институциональных ограничений политической системы. В статье анализируются ключевые трансформации левых движений с 1991 года, особое внимание уделяется их адаптации к политической системе,

идеологическому синкретизму и механизмам маргинализации радикальных групп. Эти процессы рассматриваются как часть внутривнутриполитических конфликтов, где левый спектр балансирует между оппозиционностью и интеграцией в систему. Исследование основано на синтезе сравнительно-исторического анализа программ политических партий и организаций, институционального подхода к изучению правовой базы и дискурс-анализа публикаций в СМИ, раскрывающих идеологическую эклектику. Методы позволили выявить взаимосвязь идеологических трансформаций левого спектра с изменениями политической системы и социально-экономическим контекстом. Научная новизна статьи заключается в систематизации специфики постсоветского левого спектра через призму трёх ключевых противоречий: между советским наследием и капиталистической реальностью, этатизмом и эмансипацией, глобальными трендами и региональной спецификой. Установлено, что левый спектр в России не является преемником советской модели или результатом глобальных левых трендов, но представляет собой гибридный феномен, где способность левых организаций к адаптации к доминирующему политическому контексту становятся вопросом выживания. Вклад автора заключается в демонстрации того, как идеологии трансформируются под давлением исторических, институциональных и культурных ограничений, создавая уникальные формы, которые невозможно свести к универсальным схемам. Выводы статьи могут быть использованы для прогнозирования развития левых идеологий в условиях усиления государственного контроля и социальной поляризации.

Ключевые слова:

Левый политический спектр, политические партии, политическая идентичность, политический радикализм, политическая идеология, социал-демократия, социализм, коммунизм, анархизм, антифашизм

Введение

Изучение левого политического спектра в постсоветской России представляет собой не только исторический, но и актуальный исследовательский вызов. Распад Советского Союза в 1991 году стал не только геополитической катастрофой, но и идеологическим коллапсом для левого спектра, который в течение семи десятилетий существовал в рамках монолитной системы марксизма-ленинизма. Если в советский период «левый» дискурс был институционализирован и находился под контролем государства, то после 1991 года он оказался в ситуации идеологического вакуума, фрагментации и конкуренции с другими политическими силами. Эта трансформация до сих пор остается малоизученной в сравнении с вниманием, которое уделяется западным левым движениям или советскому наследию. Между тем, анализ российской специфики позволяет раскрыть не только особенности адаптации социалистических и коммунистических идей в условиях «разворота» к капитализму, но и общие закономерности кризиса левых идеологий. Постсоветский период ознаменовался глубокой трансформацией левых идей, их адаптацией к капиталистической реальности и поиском новой идентичности в условиях идеологического вакуума. Эта эволюция, однако, не привела к формированию единого левого проекта, а напротив, породила фрагментированный и эклектичный спектр, чья специфика определяется тремя взаимосвязанными факторами: наследием советской модели, гибридизацией идеологий и институциональными ограничениями политической системы.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в

современной России, несмотря на маргинализацию левых сил, их риторика и символы периодически реанимируются в публичном поле – как в критике социального неравенства, так и в официальном нарративе, эксплуатирующем советское наследие. Во-вторых, процессы фрагментации и институциональной адаптации левых партий и движений отражают более широкие проблемы политического плюрализма в условиях гибридных режимов. Наконец, реконструкция истории постсоветских левых позволяет лучше понять природу идеологического кризиса, переживаемого обществом.

Целью исследования является выявление особенностей левого политического спектра в постсоветской России. Объектом исследования выступает сам левый политический спектр России, предметом – его специфика, сформированная под влиянием советского наследия, гибридизации идеологий и институциональных ограничений политической системы. В фокусе внимания находятся не только организационные изменения, но и трансформация идеологических доктрин, стратегий легитимации и взаимодействия с властью.

Хронологические рамки работы охватывают период с конца 1980-х годов, когда кризис КПСС положил начало распаду единого левого поля, до 2011 года – рубежа, связанного с волной протестов, обозначивших новые вызовы для политических сил в России. Эта периодизация отражает три ключевых этапа: дезинтеграцию советской модели (конец 1980-х – 1991 гг.), становление идеологического плюрализма в 1990-х и институциональную стагнацию в 2000-х. Каждый из этапов демонстрирует, как левые акторы балансировали между наследием прошлого, давлением политической системы и поиском новых идентичностей в условиях социально-экономических трансформаций.

Методы и методология

Исследование эволюции левого политического спектра в постсоветской России требует комплексного подхода, учитывающего как историческую динамику, так и специфику идеологических трансформаций. В основе работы лежит историко-сравнительный метод, позволяющий проследить этапы развития левых движений. Этот метод обеспечивает выявление ключевых поворотных моментов и их влияния на структуру и стратегии левых акторов. Сравнительный анализ периодов помогает выделить общие закономерности и уникальные черты каждого этапа.

Для углубленного изучения организационных изменений и взаимодействия левых сил с политической системой применяется институциональный подход. Он фокусируется на структурах партий, их внутренней иерархии, формах участия в выборах и отношениях с государством. Этот метод также помогает объяснить, почему часть левых организаций интегрировалась в официальную политику, а другие были вытеснены на периферию.

Третий ключевой инструмент – критический дискурс-анализ, направленный на деконструкцию идеологических нарративов, символов и риторических стратегий. Он позволяет выявить, как левые акторы переосмысливали советское наследие, реагировали на вызовы неолиберализма 1990-х или адаптировали свою риторику к антикапиталистическим протестам конца 2000-х. Например, сравнение программных документов КПРФ и радикальных социалистических групп показывает расхождения в трактовке классовой борьбы, отношения к глобализации или оценки роли государства. Дискурс-анализ также помогает зафиксировать, как власть кооптировала отдельные элементы левой риторики (например, социальную справедливость) для легитимации собственной политики.

Вспомогательные методы включают качественный анализ документов, который даёт

представление о внутренней динамике движений и эволюции их идеологических установок, и контент-анализ медиа – для оценки публичной репрезентации левых идей в СМИ разных периодов.

Кризис легитимности КПСС и фрагментация левого движения

Конец 1980-х годов стал временем идеологического распада КПСС, чья монополия на левую повестку была подорвана как внутренними противоречиями, так и внешними вызовами перестройки. Политика гласности, инициированная М.С. Горбачёвым, легализовала критику советского социализма не только со стороны диссидентского движения, но и внутри самой партии, усиливая раскол. Внутри КПСС сформировались противостоящие друг другу платформы. Например, «Демократическая платформа в КПСС» пыталась совместить социалистические идеалы с рыночными реформами, что отражало кризис идентичности партийной элиты [6]. Большевистская платформа КПСС Н.А. Андреевой выступала с критикой курса на перестройку и гласность со сталинских позиций [2]. Марксистская платформа в КПСС критиковала партию за ревизионизм и выступавшая за реформы как внутри партии, так и внутри государства [19, с. 6-8].

Этот раскол усугубился после XIX партконференции (1988 г.) и III Съезда народных депутатов СССР (1990 г.), когда отмена 6-й статьи Конституции СССР и дискуссии о «социализме с человеческим лицом» переросли в публичную конфронтацию [20]. Фактически КПСС превратилась в арену борьбы за переосмысление самой сути «левизны» – от отказа от диктатуры пролетариата до признания многопартийности.

Однако кризис КПСС не означал исчезновения левой повестки. Напротив, распад партийной монополии высвободил запрос на альтернативные социалистические проекты. Вне официальных структур стали возникать неформальные левые группы, часто маргинализированные, но отражавшие разнообразие идейного спектра: от троцкистских кружков до анархо-синдикалистов и «обновленческих» марксистов, вдохновлявшихся западной критической теорией. При этом ключевым водоразделом стало отношение к советскому прошлому: одни акцентировали «предательство идеалов Октября» бюрократией (позиция РКРП, созданной в 1991 г. [15]), другие – необходимость синтеза социализма с правами человека (как у Конфедерации анархо-синдикалистов). Этот период также ознаменовался появлением леворадикальной партии «Трудовая Россия» Виктора Анпилова – наиболее успешной и влиятельной коммунистической организацией в 1990-е годы, которая с одной стороны, сохраняла коммунистическую идеологию не только по форме, но и содержанию, а с другой стороны, не была замешана в союзах с национал-патриотическими организациями [5].

Социально-экономический контекст усугублял фрагментацию. Гиперинфляция, товарные дефицит и рост неравенства в конце 1980-х – начале 1990-х создавали почву для левой критики, но отсутствие единого центра мобилизации привело к распылению протестного потенциала. Забастовки шахтёров 1989-1991 годов, изначально носившие экономический характер, быстро политизировались.

Особенностью этого периода стала двойственная роль интеллигенции. С одной стороны, академические марксисты (как Александр Бузгалин) пытались модернизировать левую теорию, переводя труды западных неомарксистов и критикуя догмы. С другой – радикальные активисты, разочарованные в КПСС, уходили в ультралевые группы, отрицавшие диалог с властью. При этом профсоюзное движение, традиционно важное для левых, в СССР было интегрировано в государственную систему, что лишало его

автономии.

Распад СССР в 1991 году довершил кризис: запрет КПСС де-юре ликвидировал институциональную основу левого спектра, но де-факто ускорил его перерождение. Новые партии, такие как Социалистическая партия трудящихся (СПТ) или Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), пытались занять освободившуюся нишу, но их влияние ограничивалось отсутствием финансирования, внутренними расколами и конкуренцией с либералами или национал-популистами. Ключевым наследием этого периода стала идеологическая амбивалентность постсоветских левых: они вынуждены были одновременно дистанцироваться от дискредитировавшей себя КПСС и апеллировать к ностальгии по советской социальной защищённости, что предопределило их дальнейшую маргинализацию в условиях рыночных реформ.

Кризис социалистической идеологии, возникший после распада СССР, не уничтожили общественный запрос на левые идеи, но переформатировал его. С одной стороны, ностальгия по социальным гарантиям сохраняла легитимность социалистической риторики. С другой – деградация партийной верхушки и кризисные явления позднесоветского периода вынуждали левых искать новые формы деятельности, что привело к идеологическому плюрализму и синкретизму. Этот период стал временем экспериментов, когда левый спектр превратился в лабораторию противоречивых проектов, от социал-демократических до национал-большевистских.

Левые в эпоху идеологического плюрализма

1990-е годы стали временем радикальной трансформации левого спектра России, который переживал одновременно институциональную дезинтеграцию и идеологическую ревизию. После запрета КПСС в 1991 году возникло множество партий и движений, претендовавших на наследие советского социализма, но их идеологические платформы варьировались от ортодоксального большевизма до постмарксистских синтезов.

Все крупные левые политические партии в 1990-х гг. создавались на основе платформ бывшей КПСС – ВКПБ, РКП, РКРП, КП РСФСР и ряд других. Их деятельность разворачивалась в условиях провозглашённого в новой Конституции идеологического и политического плюрализма, многопартийности и запрета на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной. Такое многообразие левых партий отразило раскол между реформистами и радикалами. КПРФ, возглавляемая Геннадием Зюгановым, выбрала стратегию интеграции в парламентскую систему. В отличие от неё, РКРП и ВКПБ отвергали компромиссы с «буржуазной властью», выступая за восстановление СССР через революционные методы.

Параллельно шло создание леворадикальных организаций анархистского, троцкистского и неомарксистского толка (Комитет за марксистский интернационал, Конфедерация революционных анархо-синдикалистов, «Фиолетовый Интернационал» и др.), которые, однако, не смогли укрепиться (тактика энтризма и тактика «малых дел» не принесла желаемых результатов), что привело их к маргинализации. Леворадикалы оказались перед выбором: либо покинуть политическую сцену; либо встроиться в мир «большой политики» в рамках куда более умеренных левых партий; либо изолироваться в рамках кружковых организаций без всяких перспектив развития.

Вместе с тем, 1990-е годы стали временем формирования уникального феномена постсоветской левизны – «красно-коричневого» синкретизма, сочетавшего социалистическую риторику и критику капитализма с имперским реваншизмом и антизападными настроениями [\[17\]](#). Признание неконституционным роспуск СССР и

несогласие с проведением либеральных реформ привели к образованию т.н. «объединённой оппозиции», которая ставила своей задачей объединить левых и правых [11]. Наиболее ярким примером такого синтеза стала образованная в 1993 г. Национал-большевистская партия (НБП) Э.В. Лимонова, которая совмещала левизну в экономике с правой риторикой в политике [8]. Согласно программе НБП 1994 г., «глобальная цель национал-большевизма создание Империи от Владивостока до Гибралтара на базе русской цивилизации...» [14].

Подобный синкретизм стал ответом на вызовы эпохи. Во-первых, распад СССР породил запрос на восстановление «великодержавности», который левые движения пытались перехватить, конкурируя с правыми силами. Во-вторых, стремительная приватизация и обнищание населения в 1990-х сделали критику олигархического капитализма ключевой темой для левых, но отсутствие чёткой идеологической базы заставляло их заимствовать лозунги у политических оппонентов. В результате левый спектр 1990-х напоминал мозаику из противоречивых элементов, где марксистская терминология соседствовала с консервативной риторикой. И если в первой половине 1990-х гг. критика «слева» была направлена в сторону КПСС, то с середины 1990-х вектор критики сместился в сторону критики складывающегося капиталистического строя.

Идеологический плюрализм 1990-х сопровождался попытками переосмыслить марксизм в постсоветских условиях. Работы Александра Бузгалина и Андрея Колганова [3] предлагали синтез марксистской теории с критикой глобализации, что, однако, оставалось маргинальным в условиях доминирования капиталистической повестки. Парадоксально, но левые 1990-х часто становились заложниками симулятивного идеологического плюрализма. Как отмечает Д.Э. Летняков, многие партии использовали социалистическую риторику как инструмент мобилизации, не предлагая реальных альтернатив неолиберальной повестке. Это превращало их в «политтехнологические проекты», лишённые связи с социальными движениями [10]. Несмотря на идеологический плюрализм 1990-х, левые не смогли консолидировать протестный потенциал. Э.Г. Соловьев связывает это с их неспособностью установить диалог с рабочим классом, который, пострадав от шоковой терапии, оказался восприимчив к популистским, а не классовым лозунгам [16]. Этот же тезис подтверждается в работе Е.Ю. Емковой: теоретические изыскания интеллектуалов, оставались достоянием академических журналов, тогда как рабочий класс, разочарованный в политике, всё чаще ориентировался на патриотические или аполитичные нарративы [7].

Российские левые 1990-х активно заимствовали опыт зарубежных движений. Троцкистские группы (например, «Социалистическое сопротивление») ориентировались на Четвёртый интернационал, тогда как анархисты участвовали в глобальных акциях против МВФ и ВТО [18]. Однако отсутствие устойчивой социальной базы ограничивало их влияние.

К концу 1990-х левое движение оказалось в двойственной ситуации. С одной стороны, КПРФ сохранила влияние в Госдуме, с другой – радикальные группы маргинализировались, сталкиваясь с административными барьерами и внутренними расколами. Кризис левых в этот период был связан с отсутствием проекта будущего: вместо модернизации социалистической идеи они эксплуатировали образы прошлого, что делало их уязвимыми перед авторитарным поворотом 2000-х.

Институциональная адаптация и маргинализация в 2000-х гг.

Приход к власти В.В. Путина в 2000 году и укрепление «вертикали власти» радикально изменили условия существования левого спектра. 2000-е годы стали периодом окончательного оформления его разделения на системных и внесистемных акторов.

КПРФ, как крупнейшая системная левая партия постсоветской России, представляет собой уникальный феномен, сочетающий элементы идеологической преемственности с прагматичной адаптацией к политическим реалиям. В начале 2000-х гг. КПРФ сохраняла характерные черты реальной оппозиции – организовывала массовые акции протеста [\[12\]](#), критиковала приватизацию и олигархический капитализм, а её программа включала требования национализации стратегических отраслей и восстановления социального государства.

Однако уже в этот период стали проявляться особенности, определившие её дальнейшее развитие. Во-первых, идеологическая платформа КПРФ с момента основания носила синкретический характер, объединяя марксистско-ленинскую терминологию с элементами национально-патриотического дискурса. Например, в программе 1995 г. критика неолиберализма соседствовала с тезисами о «защите русской цивилизации» [\[13\]](#), что отражало попытку апеллировать к разным группам электората – от ностальгирующих по СССР до сторонников «державности». Во-вторых, партия, оставаясь формально оппозиционной, постепенно интегрировалась в институциональные рамки «управляемой демократии», участвуя в выборах и парламентской работе, что ограничивало её радикализм. Со временем её риторика сместилась в сторону народно-патриотического дискурса и умеренной критики политической системы. Эти изменения обусловлены как давлением со стороны государства, так и прагматизмом партийного руководства.

Внесистемные левые партии и организации начиная с 2000-х гг. начали формировать свою идентичность, отказываясь от традиционной риторики КПРФ, считая её оппортунистской, и развивая альтернативные идеологии, от классической социал-демократии (Российская объединённая социал-демократическая партия) и ортодоксального коммунизма (Российская коммунистическая рабочая партия - КПСС, «Левый фронт») – до троцкизма (Революционная рабочая партия) и различных форм анархизма (Автономное действие). Формирование внесистемных левых партий на протяжении всего периода тесно связан с развитием социальных движений, таких как профсоюзы, антикапиталистические и антиглобалистские организации, которые стали важной частью оппозиционного левого блока [\[9\]](#).

Параллельно ужесточалось давление на внесистемные левые движения. Принятие ФЗ от 25.06.2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» позволило власти разобраться с наиболее радикальными организациями. В 2007 году была запрещена НБП [\[4\]](#), а её активисты подверглись преследованиям; анархистские и троцкистские организации были вытеснены на периферию политического поля. Их социальная база – рабочие, студенты, интеллектуалы – была фрагментирована, а попытки создать альянсы с нелевыми или неполитическими организациями проваливались из-за идеологических и организационных противоречий. Ответом на это стал переход части левых к низовым инициативам, не связанным с прямой политической борьбой. Экологические акции, создание независимых профсоюзов (например, «МПРА»), борьба за права молодёжи – всё это стало формами адаптации к сужению политического пространства.

Левые 2000-х пытались преодолеть наследие советского прошлого, но оставались заложниками его символов. Например, Социалистическое движение «Вперёд» и журнал

«Скепсис» продвигали критику неолиберализма через призму западного марксизма, однако их аудитория ограничивалась узким кругом интеллектуалов. Парадоксально, но даже антикапиталистические лозунги часто перехватывались государством: риторика «социальной справедливости» использовалась в официальном нарративе для легитимации авторитарной модели. Использование советской символики системными левыми, такими как КПРФ, нельзя сводить к тактическому популизму. Эта стратегия отражает глубинную связь с цивилизационным кодом, где «советское прошлое становится инструментом легитимации не только социальной справедливости, но и геополитического позиционирования» [1]. Внесистемные левые, напротив, критиковали ностальгию как форму симуляции, однако их альтернативные проекты оставались маргинальными из-за незавершённой рефлексии по советскому периоду. Попытки модернизировать левую идеологию наталкивались на сопротивление как внутри движений, так и со стороны общества. Россия унаследовала «разорванное сознание», где левые идеи ассоциировались либо с «тоталитарным» прошлым, либо с утопическими проектами.

Заключение

К 2011 году левый политический спектр России приобрёл черты, радикально отличающие его как от советской модели, так и от глобальных левых трендов. Во-первых, идеологическая гибридность стала его системной характеристикой – сочетание социалистических лозунгов с этатизмом и консерватизмом отражает попытку адаптироваться к запросам общества, где ностальгия по СССР сосуществует с антикоммунистическими настроениями. Во-вторых, этатизм доминирует над эмансипаторными целями. Даже внесистемные группы вынуждены апеллировать к государству как к гаранту социальной справедливости, что противоречит антиавторитарным идеям глобальных левых. В-третьих, маргинализация левого радикализма привела к разделению спектра на «системных» и «внесистемных» акторов, что сузило поле для классовой мобилизации.

КПРФ, в свою очередь, воплощает постсоветский парадокс левого спектра – попытку совместить социалистические идеалы с консервативным дискурсом в условиях, где легитимность «левизны» остается под вопросом. Её эволюция отражает общую тенденцию адаптации левых идей к доминирующему политическому контексту, где этатизм и патриотизм становятся инструментами выживания, а не стратегией преобразований.

Таким образом, постсоветский левый спектр – это не продолжение советской традиции, а продукт её распада, гибридизации и адаптации к реалиям капиталистической России. Его специфика демонстрирует, как идеологии трансформируются под давлением исторических, институциональных и культурных ограничений, создавая уникальные формы, которые невозможно свести к универсальным схемам. Это привело к активному переосмыслению советского наследия и политической конъюнктуры в левой среде. В условиях политического давления и экономической нестабильности левые сталкиваются с новыми вызовами, включая внутренние разногласия и необходимость адаптации теории и новых форм практики. Однако, они по-прежнему продолжают оставаться важным элементом политического спектра, продвигая идеи социальной справедливости и равенства.

Библиография

1. Алексеев Н.Н. Советский компонент цивилизационной идентичности России // Via in

- tempore. История. Политология. 2025. 52(1). С. 202-211.
2. Андреева Н.А. Не могу поступаться принципами // Советская Россия. 1988. № 60 (9611). С. 3.
 3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы ("Капитал" re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 904 с.
 4. Верховный суд признал законной ликвидацию НБП // РБК. 2007. [электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/08/2007/5703c87b9a79470eaf766667> (дата обращения: 12.04.2025).
 5. Воробьев А. История коммунистического движения в России в 1990-е годы // Вестник Бури. 2022. [электронный ресурс]. URL: <https://vestnikburi.com/istoriya-kommunisticheskogo-dvizheniya-v-rossii-v-1990-e-gody/> (дата обращения: 18.05.2025).
 6. Демократическая платформа в КПСС-курс на создание новой партии // Журнал "Коммерсантъ Власть". 1990. [электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/266014> (дата обращения: 12.04.2025).
 7. Емкова Е.Ю. Идеино-теоретические и социально-экономические основания формирования и структурирования левого движения в современной России // Вестник Башкирск. ун-та. 2014. № 2. С. 625-628.
 8. Жаковска М. Феномен национал-большевистского движения: идеологический, социальный и культурный аспекты // История и современность. 2010. № 1. С. 202-222.
 9. Ионов Д.Д. Генезис и эволюция несистемной левой оппозиции в постсоветской России // Мы в России, Россия в мире: связь поколений. Материалы VII Всероссийского Форума молодых политологов. Москва, 2024. С. 174-175.
 10. Летняков Д.Э. Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 129-142.
 11. Никитенко В.А., Фоменков А.А. Программные документы политических структур российской объединённой оппозиции в конце 1991-1992 годах // Приволжский научный вестник. 2015. № 3-2 (43). С. 73-78.
 12. Обухов С.П. КПРФ во главе акций протеста // Вестник организационно-партийной и кадровой работы КПРФ. 2005. № 9(15).
 13. Программа Коммунистической партии Российской Федерации. [1995 г.] // Программа Коммунистической партии Российской Федерации: Принята III съездом КПРФ 22 января 1995 г. М., 1995. С. 1-30.
 14. Программа Национал-большевистской партии [Текст электронный] // Национал-Большевизм. 1994. [электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20071208041130/http://www.nbp-info.com/1573.html> (дата обращения: 12.04.2025).
 15. Программа РКРП-КПСС // Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП-КПСС). 2010. [электронный ресурс]. URL: <https://ркрп.рус/программа-ркрп-кпсс/> (дата обращения: 18.05.2025).
 16. Соловьев Э.Г. Социалистические и коммунистические партии постсоветского пространства - возможен ли левый поворот? // Россия и новые государства Евразии. 2019. № IV (XLV). С. 21-36.
 17. Тарасов А.Н. Левая сцена в России в начале XXI века // Научно-просветительский журнал "Скепсис". 2003. [электронный ресурс]. URL: <https://screen.ru/Tarasov/left-scene.html> (дата обращения: 13.03.2025).
 18. Тарасов А.Н., Черкасов Г.Ю., Шавшукова Т.В. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1997. 232 с.
 19. Холмская М.Р. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции. (Информационно-аналитический обзор). М.: 1998. 80 с. С. 6-8.

20. Шубин А.В. Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы // Россия и АТР. 2016. № 3(93). С. 23-48.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступает специфика левого политического спектра в России, сформированная под влиянием советского наследия, гибридизации идеологий и институциональных ограничений политической системы.

Методология исследования базируется на синтезе сравнительно-исторического анализа программ политических партий и организаций, институционального подхода к изучению правовой базы и дискурс-анализа публикаций в средствах массовой информации, раскрывающих идеологическую эклектику.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что в постсоветский период левые идеи подверглись глубокой трансформации, происходила их адаптация к капиталистической реальности и осуществлялись поиски новой идентичности в условиях идеологического вакуума, однако эта эволюция не привела к формированию единого левого проекта, а породила фрагментированный и эклектичный спектр с тремя взаимосвязанными факторами: наследием советской модели, гибридизацией идеологий и институциональными ограничениями политической системы.

Научная новизна рецензируемого исследования: выявлена взаимосвязь идеологических трансформаций левого спектра с изменениями политической системы и социально-экономическим контекстом.

В публикации выделены следующие разделы: Введение, Методы и методология, Кризис легитимности КПСС и фрагментация левого движения, Левые в эпоху идеологического плюрализма Институциональная адаптация и маргинализация в 2000-х гг., Заключение и Библиография.

В статье отмечается, что КПРФ, как крупнейшая системная левая партия постсоветской России, представляет собой уникальный феномен, сочетающий элементы идеологической преемственности с прагматичной адаптацией к политическим реалиям. Сказано о внесистемных левых партиях и организациях, которые начиная с 2000-х гг. отходили от традиционной риторики КПРФ, считая её оппортунистской, развивали альтернативные идеологии, от классической социал-демократии и ортодоксального коммунизма – до троцкизма и различных форм анархизма. Авторы полагают, что формирование внесистемных левых партий связано с развитием социальных движений, с деятельностью профсоюзов, антикапиталистических и антиглобалистских организаций, которые стали важной частью оппозиционного левого блока. В заключительной части работы сформулированы характерные черты левого блока, отличающие его как от советской модели, так и от глобальных левых трендов. Авторы пришли к выводу, что в условиях политического давления и экономической нестабильности левые по-прежнему остаются важным элементом политического спектра, продвигают идеи социальной справедливости и равенства.

Библиографический список включает 11 источников – публикации отечественных и зарубежных авторов по теме статьи на русском и иностранном языках, а также интернет-ресурсы. На источники в тексте имеются адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний следует отметить, что в разделе «Библиография» не выполнены рекомендации, содержащиеся в принятых редакцией «Правилах оформления списка

литературы»: «рекомендованный объем списка литературы для оригинальной научной статьи – не менее 20 источников, который должен содержать: не менее трети зарубежных источников; не менее половины работ, изданных в последние 3 года», а «Интернет-источники, включая информацию с сайтов, а также статьи на сайтах и в блогах ... упоминаются в тексте статьи в скобках, наряду с прочими комментариями и примечаниями авторов».

Тема работы актуальна, статья отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует направлению журнала «Конфликтология / nota bene», содержит элементы научной новизны и практической значимости, может вызвать интерес у читателей, но оформление списка литературы нуждается в дополнении и переработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает левый сегмент политико-идеологического спектра современной России. Автор справедливо указывает на три основных причины высокой степени научной актуальности и практической значимости выбранной темы: - воспроизводство в российском обществе левой повестки, несмотря на маргинализацию левых сил; - фактор идеологического плюрализма в гибридных политических режимах; - переживаемый российским обществом идеологический кризис. Методологической базой исследования автор декларировал историко-сравнительный метод (при анализе основных этапов развития левых движений в России), институциональный (при изучении организационной структуры левого движения в России), а также критический дискурс-анализ (при деконструкции идеологических элементов в дискурсе российских левых). В качестве дополнительного отмечен контент-анализ, использовавшийся при изучении документов, медиа и др. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны и достоверности. Собственно, автор прав уже в том, что левые в современной России несколько обделены исследовательским вниманием (хотя говорить о лакунах, конечно же, не приходится – в отечественной науке есть вполне качественные исследования российских левых), и ещё одна работа, посвящённая этой теме, вполне может представлять научный интерес. Кроме того, внимания заслуживают выявленные в процессе анализа отличия современных российских левых от советских, а также от европейских: идеологическая гибридность, этатизм, общая маргинальность в качестве самоощущения и др. Наконец, небезынтересен общий вывод автора о том, что левый сегмент политико-идеологического спектра современной России представляет собой не развитие советской традиции, но продукт её распада и попыток адаптации российских левых к реалиям капиталистической России. В структурном плане рецензируемая работа производит нейтральное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, обосновывается её актуальность, формулируются цель и задачи исследования, а также его хронологические рамки; - «Методы и методология», где несмотря на не очень удачное название (обычно различают материалы и методы или методы и методики, но никак не методы и методологию, что суть одно), где проводится теоретико-методологическая рефлексия исследования; - далее следуют три содержательных раздела в соответствии с принятой в работе периодизации («Кризис легитимности КПСС и фрагментация левого движения»),

«Левые в эпоху идеологического плюрализма» и «Институциональная адаптация и маргинализация в 2000-х гг.»); - «Заключение», где резюмируются итоги проведённого исследования, делаются выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований. Стил ь рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некритичное количество стилистических (например, стилистически не очень удачным представляется злоупотребление выражениями «не только, но и» в первых двух предложениях статьи, за которыми вдобавок ещё следует противопоставление «если, то»; или неверные управления вроде «статья идеологическим коллапсом ДЛ Я левого спектра»; или плеоназмы, как в предложении «Их деятельность разворачивалась в условиях провозглашённого в новой Конституции идеологического и политического плюрализма, многопартийности и запрета на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной»; ещё пример неудачного стилистического решения: «когда кризис КПСС положил начало распаду единого левого поля [как поле может "распасться"? – рец.]»; и др.) и грамматических (например, несогласованные предложения: «Марксистская платформа в КПСС критиковала партию за ревизионизм и выступавшая за реформы как внутри партии, так и внутри государства»; и др.) ошибок, но в целом он написан достаточно грамотно, на приемлемом русском языке, с корректным (за некоторым исключением) использованием научной терминологии. В числе упомянутых исключений можно указать приведённый выше пример, когда «распад» оказывается «коллапсом», да ещё и «для» чего-то. Кроме того, левый дискурс у автора оказывается «в конкуренции с другими политическими силами» (не дискурсами, а именно силами, то есть акторами). То же можно сказать и об избитом журналистском штампе «идеологический вакуум», которого никогда и нигде не существовало в социальной природе, но данный термин почему-то до сих пор употребляется. Наконец, сам термин «левый спектр», строго говоря, не совсем корректен: «спектр» включает в себя все политические «цвета» и «оттенки», поэтому левые являются лишь сегментом общего спектра. С точки зрения фактологии также не во всём можно согласиться с автором рецензируемой статьи. Так, автор пишет о том, что в советский период левый дискурс «был институционализирован и находился под контролем государства». Однако это далеко не во всём соответствует действительности. Так, в Людмила Алексеева в своей книге «История инакомыслия в СССР» приводит впечатляющую панораму вполне себе неподконтрольной и неинституционализированной идеологической мысли, в том числе и левой. Да что там далеко ходить за примерами: цитируемый автором статьи Александр Тарасов в 70-х годах создал леворадикальную группу и вполне занимался «левым дискурсом», в частности, написав известный программный документ «Принципы неокommунизма». Поэтому утверждать, что левый дискурс в СССР был «институционализирован» или «находился под контролем государства» неверно фактически. Более того, автор начинает анализ истории вопроса с конца 1980-х годов. Такой вариант, конечно, тоже возможен. Но на будущее автору можно порекомендовать проследить корни происходящих в российском левом движении в 1980-е – 1990-е годы процессов в более раннем историческом контексте, как минимум, начиная с 1970-х годов. Хотя корректнее, наверное, будет начать всё-таки с «шестидесятников». Тем не менее, всё сказанное относится не к критическим замечаниям автору, но к пожеланиям относительно его будущих исследований. Библиография насчитывает 20 наименований и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и могла бы быть усилена за счёт включения источников на иностранных языках. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении теоретической рамки исследования. К специально оговариваемым достоинствам статьи можно отнести весьма интересную и актуальную тему, выбранную для исследования, а также значительный объём проанализированного эмпирического материала.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые её недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области политических идеологий, партийного строительства, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.